

ТРУДНО писать о современниках, о людях, идущих рядом, на твоих глазах начинавших литературный свой путь и от этого всегда кажущихся постоянно молодыми, втянутыми в гущу забот и тревог, литературных и общественных дел.

Но как ни трудно писать о своих товарищах-литераторах, писать о них нужно именно теперь, пока они полны жизни, творческого огня, неукротимой жажды труда.

Самое время писать сейчас об Афанасии Дмитриевиче Салыньском: он уже прошел с советским театром более тридцати лет, он шагает с ним в ногу и сегодня: на столе его лежит новая пьеса — «Молва».

Я думаю, что писать о сегодняшних наших литераторах необходимо, чтобы постепенно, страница за страницей, возникла история советской классики, чтобы закреплялись в ней новые типы, новые герои нашего времени. Необходимо определить хоть малейшие черточки «классичности» текущей перед нами живой литературы, иначе мы будем богаты традициями, но бедны новаторством.

Афанасий Салыньский — это свой мир, удивительно не похожий на других, не укладывающийся в нынешние, уже сгруппированные критикой драматургические «обоймы».

В пьесах Салыньского есть глубоко русская, отечественная интонация, сотканная из вселенских раздумий о счастье человечества, из горьких слез над изломанной судьбой хотя бы одного человека, из обостренной совести, когда ты, писатель, — ответчик, а не только советчик. Эта исповедальная интонация, единившая сатирика Гоголя и лирика Пушкина, страдальца Достоевского и жизнелюба Маяковского в единое братство русской классики, органически вбирает в себя и современные писательские индивидуальности, если они исповедуют не индивидуализм, но народность.

Еще Толстой говорил, что и люди, и книги излучают свои неповторимые «цвета». Письмо Салыньского — чуть темноватое, как лак на старинных досках. Писатель этот не идет на современность прямо, как идущий на таран военный летчик. Он заходит на свои проблемы издали, плавными кругами, как летчик гражданский, бережно опускающий самолет на посадочную площадку.

Современность в пьесах Салыньского всегда выглядит и как реальный быт времени и как сложная притча о временах. И это понимание современности не только как злободневной материи, где чрезвычайно важен модный покров, но как материи, не исчезающей в постоянном движении к совершенству, помогает Салыньскому не только видеть жизнь, но подчас и провидеть ее изменения.

И вот что еще интересно — редкие пьесы Салыньского целиком укладываются в проблематику дня, они чуть обгоняют время.

Это имя — Афанасий Салыньский — впервые ярко прозвучало давно, в начале пя-

тисдесятых, когда в Малом театре поставили пьесу «Опасный спутник». И тогда, быть может, еще робко, но уже определилось главное качество этого художника — угадывание нового характера, открытие типа, сейчас поражающего, впоследствии хрестоматийного. Характер, угаданный в «Опасном спутнике», был еще не открытым временем столь явно. Это было лицо пока что необычного человека, исповедующего взамен истинного, реального дела «деловой» авантюризм. Пройдет исторический миг — и необычный герой Салыньского инженер Корчемный станет болью и помехой для окружающих. Честолюбивые, авантурные наскоки на экономику и социологию еще получат серьезнейший отпор. Но среди первых, кто начал «выкорчевывать» Корчемных, был писатель Салыньский, понимавший художественным сердцем, что себлюбубцы угрожают не только

Одинцова — первая из поднявших свой голос за гармоническое сочетание прекрасного в жизни и новаторского в научно-технической революции.

Только-только развернулась сейчас дискуссия о взаимоотношениях прозы и драмы — не мешает ли повествовательная интонация действительному нерву драматургии? А мы знаем, что драматург Салыньский давно уже высказался по этому вопросу, высказался — практично. Его пьесы — это одновременно и романы; я бы назвала его стиль эпическим романтизмом. Это драмы-романы, когда жизнь персонажа окружена целым рядом вставных новелл, потоком бурлящей жизни, венком чьих-то чужих, необычайно нужных и близких сути дела биографий. Подобная романность драмы — тоже явление сугубо отечественное, нигде так тесно не дружили драматизм конфликта и психологический накал свободного

прежних его серьезных «Мужских бесед» — этим прекрасным названием одной из его драм хотелось бы объединить целый ряд сочинений драматурга. Но в то же время пьеса «Летние прогулки» пронзительно самобытна. Она о тяготах нравственного искусства, о том, как нелегко быть добрым и одновременно нетерпимым, исповедовать и тему «око за око», и мысль о нравственном самоусовершенствовании, и заповедь «не убий», и необходимость убивать зло.

...На столе у Салыньского новая пьеса — «Молва».

События этой пьесы относятся к началу далеких двадцатых годов, обстоятельства ее — вздыбленная жизнь, только-только входящая в берега после гражданской войны. Все еще не устоялось, все в движении — лишь миг назад шли открытые бои с саблей наголо. Теперь оружие спрятано — надо налаживать мир.

щины, героини пьесы. Обе они воевали за Советскую власть, обе молоды, и радость жизни открывается им во всем своем юном блеске. Но драма набирает трагизм, и одна из них не удержалась на высоте ею же завоеванной победы. Стяжательство затмевает глаза, властолюбие сосет сердце. Другая же — любимица автора — остается чистой, ничто не липнет к ней — ни вражеская молва, ни обывательские сплетни. Столкновение здесь неизбежно: и снова на смерть уходит еще одна барабанщица — нежная, доверчивая Аля, чей светлый взгляд мешает жить зло.

А между ними еще один характер-открытие: Иван Шишлов. Это добрый человек, одержимый наивной верой в немедленное торжество всеобщего счастья, не понимающий в то же время, что счастье у каждого — свое. С аввакумовской неистовостью, или, как мы сказали бы сейчас, с экстремистским напором, пытается он насаждать превратно понимаемое им счастье: «Даешь рай на землю немедленно!» Шишлов бескорыстен и самоотвержен, ему ничего не нужно лично для себя. Он страстно устремлен к пригрезившейся ему прекрасной цели, не замечая, что пользуется методами непозволительными, нравственно нетерпимыми, социально негодными, не замечая и того, что средства, применяемые им, дискредитируют высочайшую цель. Когда же человек этот осознает пагубность своих поступков, то сам карает себя.

Глубоко любимая Шишловым Аля Батюнина, молодая коммунистка, прошедшая школу ленинской мудрости, противопоставит «шишловщине». Она гибнет, но самой своей смертью утверждает победу наших идеалов.

В пьесе этой есть мотивы трагедии. Оптимистическая трагедия — так назвали бы мы ее, как когда-то и «Барабанщицу». В «Молве», как и в других пьесах этого драматурга, есть сложный сплав романтического, комедийного и горько-трагедийного начал. И, как всегда, необыкновенно серьезна сама проблема: автор, обращаясь к истокам советской государственности, исследует, как строилась она, в какой суровой борьбе крепла и закалялась, от каких «болезней роста» освобождалась страна, вырастая в сильнейшую державу мира.

Салыньский не знает разности в понятиях «репертуар» и «литература» — то, что хорошо для театра, по его мнению, должно быть и подлинной литературой. Потому-то он так тщательно работает над формой своего пьеса, над языком персонажей. Пьесу обязательно надо читать глазами, она издается, значит, она и для чтения. Нет только читателей, как и нет только зрителей. И он прав — ведь тот, кто ни разу не прочитал строки Кассандры или Островского, так же несчастлив, как и тот, кто никогда не видел их пьес на сцене. Репертуар и литература, как правило, слиты в лучших образцах своего времени, и губительное их расхождение — именно тогда рождаются коммерческие, обывательские театры, именно тогда возникают сухие, бесплодные опыты в диалогах.

С Афанасием Салыньским просто разговаривать на темы легкие, чуть-чуть обывательские, о том, о сем. Он слишком серьезен для таких разговоров, ведет он их тяжело, его увесистые фразы иногда как-то торчком попадают между легкорылых реплик раскованных собеседников. Салыньский чаще всего говорит о многогранной жизни, о деле, и слова его никогда с этим делом не расходятся.

И. ВИШНЕВСКАЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИЗБРАВ СВОЙ ПУТЬ...

делу, но порой и жизни окружающих людей.

И в драме «Забывтый друг», поставленной во МХАТе, драматург показал новый характер — некоего Янушкина, расстроившего фронтовое братство особой, единоличной своей заботой. Он набирает свои подвалы припасами, сделал эти подвалы — а не души друзей — мерилом нравственных ценностей. Когда писалась эта пьеса, не было еще ходкого, неприятного, но верного словечка «вещизм», олицетворяющего тряпичного божка «неомещан». Но драматург сердцем услышал это слово и возмущился готовящимся пиром «вещизма», на который еще потянутся мещане, возмнившие себя духовной элитой XX века.

Закончилась Великая Отечественная война, тяжкое и изумительное время открытых боев с фашизмом. Тема эта никогда не исчерпает себя. Но драматург избирает свой, опять-таки оригинальный путь, передавая театрам тогда юную, а теперь прославленную «Барабанщицу». Это пьеса о героях, написанная тихими гражданскими словами, пьеса о подвиге, оставшемся неизвестным, неузнанным.

Это сегодня мы уверенно говорим о расцвете производственной темы на театре, а тогда, когда появилась драма Салыньского «Мария», совсем не такой уж бесспорной была сценичность производственных конфликтов. Героиня этой пьесы Салыньского, Мария Одинцова, восстает против обожествления техники, подавляющей живые эмоции, вступает в бой за то, чтобы сохранить красоту земли, не укладывающуюся в самые рациональные, технические планы. Так «зачиналась» в нашей драматургии 60—70-х годов производственная тема.

Но пришло время — пришел на сцену «Человек со стороны» Дворецкого, герои Гельмана — люди, для которых все земное и прекрасное как раз и укладывалось в четкие, разумные технические планы. А сегодня уже сами персонажи из пьес Дворецкого и Гельмана, других производственных пьес взыскуют нетленности природы, хотят оставить потомкам хоть клочок естественной земли. И вновь вспоминается Ма-

Афанасий САЛЫНСКИЙ

Фото В. БОГДАНОВА

романа, как в русской литературе, где были написаны такие романы в драме, как «Гроза» Островского, такие драмы в романе, как «Анна Каренина» Толстого.

Среди пьес Салыньского есть одна, по-особому «романная», по-особому проблемная — «Летние прогулки». И тоже проблематика ее в чем-то обгоняла время.

Необыкновенно плодотворно то обстоятельство, что нравственное и социальное неразрывно в современной нашей литературе. Но в осмыслении этого единства подчас размывается как раз социальное, добро становится ассоциальным, равнодушно-улыбчивым. В пьесе «Летние прогулки» драматург ясно оценивает социальные истоки добра и зла. Он нажал своим пером на болевую точку, и стало больно, а боль в искусстве полезна. И в жизни врачи специально советуют не заглушать боль, чтобы виднее была болезнь.

Множество маленьких ручейков стекается в едином сюжете этой пьесы, и тревожные вопросы встают перед ее читателем, зрителем. В драме «Летние прогулки», во многом центральной для Салыньского, слышны мотивы, проблемы, гражданские заботы

Кто же кем станет в этом мире — кто братом, кто другом, кто праведником, кто врагом? Боролись ради равенства — как сохранить это равенство теперь, когда уже строится быт, знающий не шеренги и приказные войны, но нелегкие повороты человеческой судьбы?

Афанасий Салыньский любит писать женские характеры — их ускользящую и в то же время непоколебимую логику, их тончайшую диалектику и нетрадиционную решительность. Душа о его пьесах, вспоминаешь прежде всего их героиню. За названием «Хлеб и розы» встает в память сильная, мятущаяся, трудно ищущая свой путь Любаша Тиунова, за словом «Барабанщица» сразу возникает образ Нилы Снежко. «Ложь для узкого круга» — сатирическая комедия о современном Тартюфе, но «Тартюфе в юбке», как называют героиню другие персонажи этой пьесы. Сражается за будущее людей Мария Одинцова. Женщины из «Летних прогулок» своей любовью спасают близких или нелюбовью погружают их в бездну отчаяния, где все возможно, даже преступление. Светится негасимым огнем долгой верной любви Нина Мытникова из «Долгожданного». В «Молве» — две жен-

bb